Посмотри на меня, - мрачно подумал он.

Так что, - продолжала Гермиона, - приходи ко мне в квартиру, и мы будем вдвоем, обещаю, как на Рождество. Только чай, книги и торт. Я бы предложила тебе ужин, но, боюсь, мои кулинарные способности ограничиваются тем, что я могу достать из консервной банки, сэндвичами и, может быть, спагетти.

Либо ты придешь, Северус, либо я выслежу свою чертову сову до твоего порога и буду сидеть там с тортом, пока ты непустишь меня или я не замерзну. Неважно. И я буду все время петь. Так громко и не в такт, как только смогу. Да, я угрожаю тебе. Плохо. Получается?

Глупая девчонка, со своим гриффиндорским упрямством. Но его сердце грело то, что она заботится о нем настолько, что заставляет его «праздновать». В последний раз, когда кто-то «праздновал» с ним день рождения, это был Люциус, он был в жуткой депрессии, напился и проснулся с татуировкой.

После этого он перестал пить. Изредка выпивал бокал или пинту, но не пил. Любила ли Гермиона вино? Он не знал. Он многого не знал, слишком многого.

Он оглядел свой дом. Было темно, тоскливо. Гермионе здесь было не место. Он вздохнул и посмотрел на сову.

Гермиона -

В твоей квартире есть кухня?

-Северус

Он смотрел на подарок, который открыл, с любопытством, смущением и досадой.

Вечер был приятным: он позволил ей наблюдать за тем, как он готовит, ничего вычурного, просто простой ужин, который она могла бы приготовить сама, если бы захотела, и она заварила для них чай с Пу Эрх Данте, который был её рождественским подарком от него. Они съели торт - к счастью, она не настаивала на пении и не заставляла его задувать свечи, - а потом она подошла к одной из книжных полок и попробовала коробку.

Она купила ему мобильный телефон.

Он поднял на нее глаза.

Она улыбнулась.

«Это мобильный». Он закатил глаза и надулся. Я прекрасно знаю, что это мобильный, глупая ты женщина. Я хочу знать, какого черта ты мне его дала. «Ты здорово улучшился, смотри...»

Гермиона достала из сумки похожее устройство. «Теперь они могут отправлять текстовые сообщения, видишь ли. И я подумала... ну, в Хогвартсе это не сработает, слишком много заклятий, но в твоём доме, в Лондоне и на большей части Косой Переулок они работают».

Северус нахмурился и взял в руки мобильный.

«Вот почему я спросил, есть ли у тебя кофеварка... Я знаю, что ты не пьешь кофе, но я подумала, что это поможет мне определить, есть ли у тебя электричество, ведь его нужно заряжать. Я предоплатил ее на шесть месяцев... Если вам не нравится, ничего страшного, я подумал, что вы захотите попробовать. Видите ли...»

Он повертел его в руках и бросил на нее вопросительный взгляд. Почему? Зачем ты мне это дала? Она что-то сделала со своим мобильником, и тот тихонько зажужжал. Он открыл его, как и ее, и посмотрел на экран.

«Мне нравится разговаривать с тобой, Северус. Вот почему».

Он мягко улыбнулся, впервые за долгое время по-настоящему, а она подошла и опустилась на подлокотник его кресла, рассказывая ему о зарядном устройстве и «сообщениях», пока его мозг пытался сосредоточиться на ее словах, а не на тепле ее тела, так близко прижавшегося к его.

Позже тем же вечером, убрав остатки торта, который она ему нажарила - черт бы ее побрал, когда она узнала, что я люблю сладкое, - в холодильник, он заколебался, а потом открыл телефон.

Ответить.

Тип.

Отправить.

А в своей квартире Гермиона Грейнджер получила свое первое текстовое сообщение от Северуса Снейпа.

«Мне тоже нравится с тобой общаться».

К его облегчению, Гермиона не стала использовать текстовые сообщения в качестве основного способа общения. Она по-прежнему отправляла своих сов и не посылала ему сообщений в

течение рабочего дня, не считая случайных «Не хочешь ли ты встретиться за обедом на этой неделе? Один или два вечера в месяц она спрашивала, не хочет ли он выпить пива.

Он всегда отказывался. Дело было не в том, что он не хотел видеть Гермиону (отнюдь нет), а в том, что он не хотел поощрять то, что, по его мнению, было мертвой реакцией.

Она заставляла его сердце биться, когда звонил телефон (он отключил этот адский писк, как только прочитал чертово руководство), а однажды, когда он шел на Аппарирование после работы, он краем глаза увидел ее великолепные (с каких пор я использую слово «великолепные»?) локоны и нырнул в ближайшее пространство между двумя зданиями, слишком узкое, чтобы быть переулком, чтобы избежать неизбежной реакции своего тела, когда она проходила мимо.

Он думал, что эта реакция тоже мертва.

Так они и проговорили свои письма, и он все больше и больше увлекался ею и забавлялся функциями своего мобильного телефона. Гермиона без труда заказывала любые блюда на вынос: он отправлял ей информацию, она звонила в заведение и сообщала сумму и время.

Она часто предлагала ему заехать за ней, чтобы угостить, если он захочет. Он отказывался. Он не хотел, чтобы она приближалась к его дому.

Точнее, к его постели. Слишком неуместно.

Это было в мае, когда она загнала его в угол по дороге из больницы Св. Мунго - какой-то идиот счел забавным раскрасить его брата в дикие цвета и отпустил его в круг фей. Ребенка по меньшей мере семнадцать раз укусили бешеные голубые пикси после того, как он попытался (и частично преуспел) съесть один из грибов круга.

Целители Смайт и Бернден, конечно, посчитали себя такими бесконечно умными - не выслушали всю историю, были так милы с братом, так понимали, что это, конечно, просто несчастный случай, - что вылечили мальчика от укусов.

Что вызвало довольно тревожную реакцию между укусами и краской. Потом они дали ему что-то еще, что вступило в реакцию с противоядием и грибом, и все пошло по накатанной, пока наконец кто-то в своей финитальной мудрости не предложил позвать на помощь «того бастарда».

<http://tl.rulate.ru/book/117133/4649672>